
Место исторической науки в системе современного научного знания

© 2019 г. К.В. Хвостова

Институт всеобщей истории РАН, Москва, 119334, Ленинский пр-т, д. 32А.

E-mail: hvks@mail.ru

Поступила 13.12.2018

Проблема места исторической науки в структуре современного знания связана с идеями лидеров синергетики И. Пригожина и К. Майнцера. Ученые подчеркивают присутствие в современном знании тенденции к сближению естественнонаучного и исторического знания. Автор стремится анализировать множественность связей между историей и другими науками. С точки зрения автора, влияние историописания на современную науку объясняется значительной ролью, которую оно играет в рамках современной постнеклассической научной парадигмы нарративности, детализма, множественности, междисциплинарности и трансдисциплинарности. Автор полагает, что концепт трансдисциплинарности является расширением метода сравнительной исторической интерпретации. Рассматриваются специфические черты применения в исторических социально-экономических исследованиях дифференциальных уравнений и статистических методов. Характеризуется особая роль исторической индукции. Особое внимание уделяется специфике теоретического и феноменологического уровней исторического исследования. Рассматривается роль идей конструктивизма в историописании. Исследуются пределы значимости идей синергетики. Характеризуя проблемы короткого исторического времени, автор обращается к собственной исследовательской практике и иллюстрирует конкретные особенности исторического знания на примере истории Византии. В статье оценивается соотношение позитивистской и постпозитивистской стратегий. Роль лингвистических и психологических методов находится в центре внимания.

Ключевые слова: историческая наука, синергетика, нарративизм, детализация междисциплинарность, постнеклассическая парадигма, конструктивизм, индукция, постмодернизм, математические методы, трансдисциплинарность.

DOI: 10.31857/S004287440006323-0

Цитирование: *Хвостова К.В.* Место исторической науки в системе современного знания // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 108–117.

The Place of historical Science in the System of contemporary Knowledge

© 2019 г. Kseniya V. Khvostova

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky prospect, Moscow, 119334, Russian Federation.

E-mail: hvks@mail.ru

Received 13.12.2018

The problem of the place of historical science in the structure of modern knowledge is connected with ideas of leaders of contemporary synergetic I. Prigogine and K. Mainzer. The scientists substantiate the presence in contemporary science of tendency to rapprochement of natural and historical knowledge. The author intends to analyse the multiplicity of links between history and other sciences. From the viewpoint of author the influence of history on the contemporary science consists in the great role in framework of contemporary post-non-classical paradigm of narrativism, detailism, plurality, interdisciplinarity and transdisciplinarity. The author believes that the concept of transdisciplinarity is the enlargement of historical comparative interpretation. The influence of contemporary post-non-classical paradigm on historical knowledge consists in the application of mathematic in historical researches. The article shows the specific features of application of statistic and differential equations and analyses the great role of induction on historical studies. It pays attention to the problem of specific role of theoretical and phenomenological levels of historical science. The author takes in account the role of ideas of constructivism in historical studies. She aims to study the role and limits of application of synergetic in historical researches and examines the role of temporality in the historical knowledge. The author turns to her personal scientific practice and illustrates the features of historical study on the examples of byzantine history. The article stresses the strategies of positivism and post-positivism in the estimation of the role of historical investigations in the system of contemporary knowledge. Its focus is on the role of linguistic and psychological research methods.

Key words: historical science, synergetic, narrativism, detailism, interdisciplinarity, post-non-classical paradigm, constructivism, induction, postmodernism, mathematical method, transdisciplinarity, psychological and linguistic methods.

DOI: 10.31857/S004287440006323-0

Citation: Khvostova, Kseniya V. (2019) 'The Place of historical Science in the System of contemporary Knowledge', *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2019), pp. 108–117.

Проблема места исторической науки в системе современного научного знания намечена в работах лидеров синергетики И. Пригожина и К. Майнцера. Именно И. Пригожин, характеризуя современные перемены в области эпистемологии и методологии, ставшие явными в конце XX в., отметил тенденцию к известному сближению не только естественных, общественных и гуманитарных наук вообще, но и, в частности естественнонаучного знания и историописания. Этот процесс, как подчеркивает ученый, связан с возрастанием роли историчности в естественнонаучных

дисциплинах и, соответственно, с усилением общенаучной значимости нарратива при репрезентации знания [Пригожин 1989, 18; Пригожин 1991, 51]. К. Майнцер засвидетельствовал возросшую роль в естественнонаучном знании событийности, связав это явление также с влиянием гуманитарных наук [Майнцер 2010, 186].

В данной статье автор пытается проанализировать те проявления исторического знания, которые обнаруживают его роль в развитии современной постнеклассической научной парадигмы. Далее, анализируются специфические особенности историописания, а также влияние, оказываемое на него современными естественнонаучными дисциплинами.

Полагаем, что влияние гуманитарных наук и, в частности, истории на современную постнеклассическую научную парадигму проявляется в том значении, которое в современной науке придаетается таким эвристическим приемам, как фрактальность, детализация, деструкция целостности и формирование ее нового образа, короткие временные интервалы и зависимости, междисциплинарность, нарративность изложения, событийность, трансдисциплинарность. Что касается этого последнего из перечисленных методологического приема, состоящего в создании комплексного представления об изучаемом объекте путем включения в его образ гетерогенных и схожих лишь по своей функциональной роли проявлений, то он явно обнаруживает влияние исследовательских методик, практикуемых в историописании. А именно, полагаем, что трансдисциплинарность представляет собой расширенное понимание сравнительной исторической интерпретации, предполагающей нахождение сходства в разновременных и функционирующих в разных пространствах явлениях.

Особенности современной постнеклассической эпистемологии, восходящей к экзистенциализму Хайдеггера, феноменологии Гуссерля, детализму и плюрализму постмодернизма, таким образом, не только отражают эпистемологическое оправдание стратегий историописания, но и свидетельствуют о его двойственных связях с постнеклассическим знанием.

В дальнейшем изложении при иллюстрации выводов, характеризующих место историописания в системе современных наук, автор обращается к историческим примерам, относящимся к результатам собственных исследований в области истории Византии. Анализ истории отдаленного прошлого позволяет детально определить характерные черты исторической науки. Что же касается изучения недалекого прошлого, то в этом случае методология хотя и отличается большими историкокультурными возможностями, но и во многом совпадает с соответствующими процедурами в социологии, экономической науке, культурологии, то есть в дисциплинах, изучающих современность. При этом многие из рассматриваемых ниже особенностей историописания характерны для исторического знания в целом. В этом отношении представляет интерес свойственное исторической науке внимание к короткому историческому времени, характеризующему факты, события, ситуации.

Понимание значимости короткого временного интервала восходит к Античности [Аристотель 1999, 798. 4 (V)] и было широко распространено в Византии. Короткое время именовалось «кайрос» и означало благоприятный момент для свершения какого-либо действия [Хвостова 2009, 168]. М. Хайдеггер воспринял античное понимание кайроса и определил историческое время как «время... для» [Хайдеггер, 2002, 114]. Кайрологическое время Античности и Византии мыслилось как время циклическое. Предполагалось, что ситуации могут повторяться во времени. Соответственно, византийские историки признавали возможность предвидения будущего на основе знания о прошлом [Хвостова 2009, 86].

Античные и византийские идеи предвосхитили в известной мере позднейшие концепции циклического времени Д. Вико, Б. Кроче, а также Гегеля, который писал: «События различны, но общее и внутреннее в них, их связь – едины. Это снимает прошлое и делает события современными» [Гегель 1993, 61]. Влияние представлений о цикличности времени, круговороте событий и ситуаций просматривается в идеях ризомы современного постмодернизма, акцентирующих сложность и нелинейность общественных отношений.

Кроме того, полагаем, что идеи коротких временных интервалов, исторические идеи кайрологического короткого циклического времени находят свое отражение в современной синергетике, в рамках которой развивается теория динамического хаоса, периодически рождающего путем самоорганизации новые системы. Представления о кайрологическом циклическом времени воплотились также в современных концепциях, называемых «петля обратной связи», акцентирующих обратную связь гипотезы и следствия и состоящих в том, что следствие не только вытекает из гипотезы, но одновременно подтверждает ее достоверность [Аггаци 2010, 63]. Научная актуальность короткого событийного исторического времени, возможно, имеет отношение к некоторым проблемам современной физики. В рамках определенных физических теорий специалисты констатируют ограниченные возможности традиционного представления о единственной научной значимости прямолинейного непрерывного течения времени, так называемой «стрелы времени», соответственно, допускается возможность наличия обратимых временных процессов [Карпенко 2017, 180].

Кроме того, смена парадигм в физике, переход от классической физики к синергетике, от строгого ньютоновского детерминизма к признанию особой значимости вероятностно-статистических тенденций определили идеи И. Пригожина об историчности Вселенной, а также о научной значимости исторического нарратива [Пригожин 1991, 50]. Проблемы современной научной нарратологии находятся, соответственно, в центре научной мысли [Щедрина 2017, 82] и обнаруживают явное признание роли историописания в современной эпистемологии.

Однако двусторонняя связь современной постнеклассической парадигмы и историописания сочетается с наличием специфики последнего, характеризующей его особое место в системе наук. Нам представляется, в частности, что идеи самоорганизации и динамического хаоса не отражают специфики исторического развития. Плюралистический событийный хаос исторических изменений, в рамках которого каждое событие приобретает индивидуальное и неповторимое значение, не уместяется в рамках представлений о динамическом хаосе и его самоорганизации.

Рассмотрим в этой связи пример падения Византии, завоеванной в 1453 г. турками. Гибель империи не только была связана с этим поражением, но и явилась следствием многих усиливавшихся во времени факторов. Происходило возрастающее во времени ослабление государственно-политической системы, сопровождавшееся войнами и внутренними конфликтами, экономическим спадом.

Каждый из этих факторов может быть рассмотрен и рассматривается в рамках историописания в отдельности и характеризуется как совокупность отнюдь не случайных, а существенных качественно-содержательных проявлений. Нам представляется целесообразным представить совокупность таких факторов, вызвавших кризис, а затем гибель Византии, с помощью понятия ризомы (или, в соответствии с древнегреческими текстами, — ридзы или ридзомы), понимаемого как взаимосвязь многих проявлений при наличии общего начала, фактора, корня, являющегося их основной причиной.

Для уточнения данного понятия обратимся к его прототипу — понятиям «ридза» и «ридзома», содержащимся в византийских и древнегреческих источниках. Эти наименования наряду с их основным значением — «корень» имели в своем семантическом диапазоне значения «начало», «основа», «база», «глава» [Вейсман 1899, 1115; Соболевский 1948, 524; Папе 1843, 796].

В византийских кадастрах XIII—XIV вв. выражение «ридза», в частности, обозначало совокупность налогов, взимаемых государством с некоторой территории. Ридза подразумевает такую сумму платежей, в которой с необходимостью фиксируется основное, базовое, прочное, неменяющееся, то есть коренное слагаемое, определяющее налог в целом. Таковым являлась, например, подать с пахотной земли. К ней как к основному неизменному началу, то есть как к главной части приплюсовывался ряд дополнительных, менее существенных и варьирующих во времени платежей (например, с заброшенных и покинутых владельцами, сдающихся в аренду земель) [Хвостова 1968, 169].

Как видно, античные и византийские источники подразумевали под понятиями «ридза» и «ридозма» наличие у сложного явления общего корня — единой основы, базы, начала, причины. Иными словами, единый корень создавал определенную систему элементов. Однако современные исследователи расширительно трактуют понятие ризомы, подчеркивая сложность самого корня, его ветвистость, обеспечивающую хаотическую структуру всей порождаемой системы признаков.

Важнейшей чертой современного историописания, характеризующей место исторической науки в рамках постнеклассической научной парадигмы, является получившее особую значимость методологическое направление, в рамках которого изучаются специфические особенности исторического познания. Одним из видов этого направления является изучение репрезентации знания в форме образов. В рамках этого направления реальность имплицитно понимается или как кантовская «вещь в себе», или, в соответствии с идеями Риккерта, сводится к сознанию. Целесообразно подчеркнуть связь этого направления с современным конструктивизмом, в рамках которого подчеркивается тот факт, «что знание не содержится непосредственно в объекте,.. а строится (конструируется) познающим субъектом в виде различного ряда моделей» [Петренко 2011, 76]. Данные выводы относятся не только к гуманитарным наукам, но и к знанию в целом. Можно добавить, что развитие науки сопровождается постоянной сменой моделей. В физике, как известно, классический подход заменила современная синергетика.

Возвращаясь к историописанию, отметим существование образов-моделей двух уровней. Постановка проблемы осуществляется с помощью теоретической модели, отражающей уровень достигнутого знания. На эмпирическом, феноменологическом уровне анализируются источники. При этом остается открытым вопрос о наличии или отсутствии независимой от сознания реальности. Эта проблема изучается психологами, психофизиологами, теоретиками когнитивного знания. На основе детального изучения современных соответствующих лабораторных исследований академик В.А. Лекторский полагает: «Человек не демиург Вселенной. Его сознание не создает реальный мир. Человек познает мир в формах своей деятельности и своими действиями создает новый уровень реальности» [Лекторский 2017, 21].

Проблема образов тесно связана с теорией отражения. Современные исследователи вслед за Гуссерлем, как известно, отрицают научную значимость теории отражения, понимаемой как соответствие выводов исследователей объективной реальности [Микешина 2016, 58]. Однако при рассмотрении этой проблемы целесообразно акцентировать тот факт, что историк строит образы-модели прошлого на других образах, характеризующих степень осведомленности, интересы, мотивы, оценки и мировоззрение авторов тех текстов, которые являются для современного историка историческими источниками. Считаем, что по отношению к этому уровню исследований теория отражения выполняет инструменталистскую функцию. Это означает, что средствами этой теории в рамках критического источниковедения решаются проблемы полноты, непротиворечивости и репрезентативности информации исторических источников, а также степень ее значимости для современного исследователя.

Проблема образов во многих конкретных проявлениях рассматривается в рамках направления «интеллектуальная история» при Институте всеобщей истории РАН под руководством члена-корреспондента РАН Л.П. Репиной. Анализируются историческая память, границы исторической истины, историческая междисциплинарность и трансдисциплинарность, индивидуальное поведение агентов [Репина 2011].

В рамках современной постнеклассической парадигмы под влиянием идей детализма и постмодернизма возрастает значимость исторической герменевтики, развиваются различные формы критики источника, а также интерпретационные технологии. Особое внимание уделяется соотношению герменевтики, направленной на понимание и воспроизведение текста источника, и интерпретации, то есть современной его трактовки с учетом соответствующих научных достижений.

Однако для современной трактовки и изучения исторических источников вряд ли является плодотворной постмодернистская точка зрения, согласно которой

традиционные исторические методы, связанные с герменевтикой и интерпретацией, в известной мере противопоставляются «законодательному разуму» [Бауман 1993, 53], то есть стремлению к установлению общих тенденций и традиций изучаемых процессов.

Напротив, эта проблематика не только органически входит в рамки методологии, отражающей современную постнеклассическую научную парадигму, но и интенсивно разрабатывается с помощью новых исследовательских приемов. Соответствующее направление тесно связано с практикой применения математических методов в социально-экономической истории и отражает тем самым влияние, оказываемое на историописание естественными и точными науками. Основополагающие принципы соответствующих исторических исследований начали складываться еще в конце XIX в. под влиянием проникновения математики в социологию и экономическую науку, особенно интенсивно данное направление развивается с 60-х гг. XX в.

Целью математического моделирования в социально-экономической истории является получение сопоставимых численных показателей (статистики и дифференциальных уравнений), характеризующих тесноту связей, событий, образующих однородные тенденции в рамках фиксированного пространственно-временного диапазона. Сравнение полученных показателей позволяет детализировать, сделать более точным историческое исследование и, следовательно, органично вписывается в методологические требования историописания.

Как бы вопреки мнениям И. Пригожина и К. Майнцера, констатирующим не только сближение наук, но и влияние гуманитарного знания на современную эпистемологию в рамках позитивизма, признавалось влияние естественнонаучного знания на социальное [Boudon 1968, 32–33].

Первые опыты применения математических методов в социальных и гуманитарных науках, в том числе и в историописании, были рассмотрены в монографии французского ученого Р. Будона [Boudon 1968]. Книга интересна тем, что она позволяет выявить соотношение в указанный временной период идей позитивизма и раннего постпозитивизма, представляющее интерес в рамках рассмотрения динамики роли исторической науки в системе современного научного знания.

В отличие от Пригожина, полагавшего, что понятие ньютоновского детерминизма значимо в современной науке «только в отдельных случаях» [Пригожин 1989, 4], Будон в позитивистском духе приравнивает детерминизм в социальных и исторических исследованиях к любой казуальности. «Если имеется казуальность, то следует говорить о детерминизме», пишет ученый, анализируя результат применения математических методов в социальной истории и социологии [Boudon 1968, 21].

Как видно, в отличие от лидеров синергетики, акцентирующих значимость вероятности статистического моделирования как в естественнонаучном, так и в гуманитарном знании, Будон усматривал сходство тех и других наук в возможности применения в них детерминистских моделей. Однако как бы вопреки такому заключению в некоторых исследовательских ситуациях в историко-социальном знании, по мнению ученого, один и тот же факт не обязательно влечет за собой одно и то же следствие [Boudon 1968, 21].

Двойственный характер оценки историописания и естественнонаучного знания обнаруживается и в работах Дюркгейма. Приравнивая социальные факты к естественнонаучным, ученый тем не менее вполне в соответствии с постпозитивистскими идеями высказывается относительно роли объясняющих переменных в корреляционной модели. Эти величины, по мнению Дюркгейма, только в том случае способны выполнить свою задачу, если они являются элементами в сложной сетевой взаимосвязи факторов, воспроизводимых исследователем на основе качественного анализа соответствующей информации [Durkheim 1950, 130–131]. Мы оцениваем эти выводы ученого как предвосхищение современных идей множественности и детализма, нелинейности, ризомы.

Применение математических методов в историописании способствует усилению детализма и компаративистики как важных элементов постнеклассической научной

парадигмы. В то же время количественный подход в историческом знании отличается существенными особенностями, определяемыми постановкой исторической проблемы и спецификой исторической информации источников. Объектом изучения является ограниченный пространственно-временной диапазон прошлого, однородность сведений о котором констатируется на уровне качественной оценки информации в рамках предзнания, обобщающего результаты прошлых исследований [Хвостова 2009, 119].

Существуют и другие особенности историописания. Особого внимания заслуживает специфическая роль исторической индукции. Известно, что в современной методологии преобладает мнение, восходящее в основном к Юму и Попперу, согласно которому индукция имеет ограниченное значение в рамках современного знания. Выводы относительно будущего, сделанные на материале прошлого, уязвимы. Соответственно, общие законы явлений не могут быть установлены на основе отдельных экспериментов [Миллер 2012, 113]. Однако историк не ставит своей задачей прогнозирование будущего и не обобщает знание, полученное на основе информации, ограниченной во времени и пространстве, в целях установления общих законов явлений и процессов. Круг изучаемых в историописании проблем связан с анализом конкретики прошлого, осуществляемым на основе исторических источников. При этом в исследовании фиксируется строго ограниченный пространственно-временной диапазон, к которому относятся полученные выводы, например: «Аграрно-правовые отношения в Византии XIII–XIV вв.». Однородность сведений источников устанавливается на стадии предзнания на основе качественно-содержательной оценки источников в рамках их предварительного источниковедческого анализа.

Соответственно, индукция в историческом знании является одним из важнейших методов при изучении пространственно-временных тенденций прошлого.

Л.А. Микешина в монографии, посвященной эпистемологии гуманитарного знания, подробно рассматривает и комментирует выводы Кассирера об особенностях понятий в культурологии, а также в исторических и других гуманитарных исследованиях. Акцентируется идея Кассирера о необходимости соотношения общих теоретических дедуктивных понятий с результатами изучения информации на феноменологическом уровне исследования [Микешина 2016, 39].

Связь в историописании теоретического и феноменологического уровней исследования целесообразно проиллюстрировать на примере использования понятия «цивилизация». Существует, как известно, множество определений данного понятия.

Мы полагаем, что под понятием «цивилизация» целесообразно понимать совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политико-правовыми, культурологическими и природными факторами, образующими тенденции, традиции, институты, отношения в определенном пространственно-временном диапазоне [Хвостова 2009, 7]. Эти связи можно назвать факторами или параметрами цивилизации. Сложность заключается в том, что при использовании общего теоретического понятия «цивилизация» для характеристики конкретного исторического процесса в рамках фиксированного пространственно-временного диапазона, необходимо учитывать разные длительности развития во времени отдельных факторов цивилизации. Эти длительности определяются конкретными событиями, распознаваемыми историком на феноменальном уровне исследования, то есть в процессе анализа информации источников. Соответственно, происходит уточнение и опредмечивание общих дедуктивных понятий.

Однако, как отмечалось выше, лидеры современной синергетики отводят детерминизму в современной науке ограниченную роль и одновременно констатируют преобладающую значимость вероятностно-статистических стратегий. Соответственно, по-видимому, можно говорить о снижении в современном знании роли дедуктивных общих высказываний. Но они неизменно используются при постановке исследовательских проблем, в рамках которых на основе предзнания формулируется задача исследования. В исторической науке на одном и том же материале источников осуществляется постановка разных проблем, в рамках которых акцентируется новый угол зрения. В итоге происходит смена общих теоретических исследовательских

парадигм, то есть общего понимания явления и, соответственно, проявляется роль дедуктивных высказываний.

Специфические черты современного исторического знания, характеризующие его место в рамках современной постнеклассической научной парадигмы, ярко проявляются также в той роли, которая придается в историописании психологическому фактору.

Сложности, возникающие при изучении соответствующей проблематики, связаны с тем, что речь идет об отдаленном прошлом, реконструируемом на основе анализа сохранившихся источников. Поэтому мотивы и ценностные установки исторических деятелей не всегда легко отделимы от прочих факторов, влиявших на их деятельность. Среди таковых можно выделить идеологические стереотипы, обычаи, влиявшие на выбор человека, а также роль экстремальных ситуаций, вынуждающих к тем или иным поступкам.

Выше упоминался один из видов психологических факторов, связанный с выбором кайроса — благоприятного момента для совершения определенного поступка. Кайрологическое время обычно (как отмечалось выше) ассоциировалось с циклическим временем, то есть с круговоротом событий во времени. В одном из византийских актов говорится, что при пренебрежении кайросом возникнет большой ущерб делам [Хвостова 2009, 85]. Иными словами, можно считать, что в рамках кайрологического психологического переживания мотив выбора поступка, определяемого благоприятной ситуацией, предполагал немедленное соответствующее реагирование агента. Таким образом, можно сказать, что кайрологическое время ассоциировалось с таким временным интервалом, который требовал быстрой, незамедлительной соответствующей реакции субъекта.

Примером быстрого психологического реагирования являются византийские жалованные грамоты XIV—XV вв., выдаваемые византийской императорской канцелярией привилегированным юридическим лицам.

В преамбуле таких грамот говорится, что пожалование земли и привилегий данному юридическому лицу, осуществляемое с помощью настоящего документа, производится в ответ на просьбу физического представителя юридического лица. Мотив, то есть просьба со стороны получателя дара и соответствующее действие — пожалование прав и привилегий — выражены в подобных источниках с предельной четкостью.

Значение, придаваемое в современных эпистемологии и методологии истории детализму и событийности, предполагает усиленное внимание к лингвистическим обозначениям, акцентируемым в рамках современного лингвистического поворота в науке. Особого внимания заслуживает трансдисциплинарное содержание некоторых богословских понятий, используемых в исторических источниках для наименования различных форм социальных отношений. Таковы, например, византийские понятия «прония», «икономия» и ряд других. Наряду с основным своим значением божественного попечения, они обозначали также определенные виды социальных отношений [Хвостова 2009, 66—67]. Подобная диалогичность требует, на наш взгляд, усложненного теоретического и социально-психологического анализа. Двойственный богословский и социальный смысл таких понятий отдаленного прошлого определяет, по нашему мнению, инверсию современного содержания, вкладываемого в понятие трансдисциплинарности. Как известно, оно подразумевает стратегию создания комплексного единого образа-модели гетерогенных, разновременных и, однако, схожих по своей функциональной роли отношений. Иными словами, трансдисциплинарность — это методологический прием, с помощью которого исследователь в рамках постнеклассической научной парадигмы осуществляет глобализацию общих выводов. При использовании современным исследователем понятий прошлого, имеющих двойственный смысл, возникает уникальная исследовательская ситуация, в которой идея трансдисциплинарности не идет от исследователя, а содержится в самих понятиях исторического источника. Подобные понятия, обладающие двойственным содержанием, выполняют универсалистскую функцию и, как мы полагаем, могут рассматриваться как эпистемологическое оправдание применения стратегий трансдисциплинарности в современной исторической науке.

В итоге осуществленного рассмотрения проблемы места историописания в рамках современной постнеклассической научной парадигмы, полагаем, возникает возможность составить детальное представление о соответствующем диалоге, а также выявить основные тенденции в развитии современной исторической науки. Историческая фактологичность может быть представлена в новом свете. Она является одним из элементов в системе обоснования современного постнеклассического знания.

Источники – Primary Sources

Аристотель 1999 – *Аристотель*. Никомахова Этика // *Философия Греции. Основы основ: логика, физика, этика* / Сост., предисл. В.В. Шкоды. Москва: Эксмо Пресс, 1999. С. 798 (V) [Αριστοτέλης. *Nicomachean Ηθική*, Aristoteles, *Etica Nicomachea* (Russian Translation)].

Вейсман 1899 – *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. СПб., 1899 [Weissman, A.D. *Greek-Russian Dictionary* (In Russian)].

Гегель 1993 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993 [Hegel, Georg Wilhelm Friedrich *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte* (Russian Translation)].

Соболевский 1948 – *Соболевский С.И.* Древнегреческий язык. М.: Издательство иностранной литературы, 1948 [Sobolevsky, S.I. *Ancient Greek Language* (In Russian)].

Хайдеггер 2002 – *Хайдеггер М.* Бытие и Время. СПб.: Наука [Heidegger, Martin *Sein und Zeit* (Russian Translation)].

Папе 1844 – *Папе В.* Handbuch der grichischeschen Sprache. Braunschweig, 1843.

Ссылки – References in Russian

Аггаци 2010 – *Аггаци Э.* Эпистемология и социальная петля обратной связи // *Вопросы философии*. 2010. № 7. С. 58–66.

Бауман 1993 – *Бауман З.* Философия и постмодернистская социология // *Вопросы философии*. 1993. № 5. С. 46–61.

Карпенко 2017 – *Карпенко А.С.* Логика детерминизма и феномен прошлого // *Вопросы философии*. 2017. № 9. С. 178–180.

Лекторский 2017 – *Лекторский В.А.* Познание, действие, реальность // *Вопросы философии*. 2017. № 9. С. 5–23.

Майнцер 2010 – *Майнцер К.* Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // *Вопросы философии*. 2010. № 10. С. 84–98.

Микешина 2016 – *Микешина Л.А.* Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: РОССПЭН, 2016.

Миллер 2012 – *Миллер Д.* Машинное угадывание // *Вопросы философии*. 2012. № 7. С. 110–119.

Петренко 2011 – *Петренко В.Ф.* Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // *Вопросы философии*. 2011. № 6. С. 75–81.

Пригожин 1989 – *Пригожин И.* Переоткрытие времени // *Вопросы философии*. 1989. № 8. С. 3–18.

Пригожин 1991 – *Пригожин И.* Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 46–52.

Репина 2011. – *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI веков. Социальные теории и историографическая практика. М.: Наука, 2011.

Хвостова 2009 – *Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. М.: Алетейя, 2009.

Щедрина 2017 – *Щедрина И.О.* Новые аспекты современной нарратологии (размышления над книгой) // *Вопросы философии*. 2017. № 9. С. 82–90.

References

Aggazi, Evandro (2010) 'Epistemology and the Social Loop', *Voprosy filosofii*, Vol. 7 (2010), pp. 56–66 (Russian Translation).

Bauman, Sigmund (1993) *Philosophy and Postmodernistic Sociology*, *Voprosy filosofii*, Vol. 3 (1993), pp. 46–51 (Russian translation).

Boudon, Raymond (1968) *L'analyse mathématique des faits sociaux*. Plon, Paris, 1968.

Durkheim, Émile (1950) *Les règles de la méthode sociologique*, Presses Universitaires de France, Paris (Russian Translation).

Karpenko, Alexander S. (2017) 'Logic of Determinism and Phenomenon of Past', *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2017), pp. 160–178 (in Russian).

Khvostova, Kseniya V. (1968) *The Specific Features of Agrarian-judicial Relations in Byzance in XIII–XIV Century*, Nauka, Moscow (in Russian).

Khvostova, Kseniya V. (2009) *Byzantine Civilization as Historical Paradigm*. Aleteiya, Moscow (in Russian).

Lektorsky, Vladislav A. (2017) Cognition, Action, Reality, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2017), pp. 3–22 (in Russian).

Mainzer, Klaus (2010) 'Calls of Complexity in 21st Century. Interdisciplinary Introduction', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2010), pp. 84–98 (Russian Translation).

Mikeshina, Liudmila A. (2016) *Contemporary Epistemology of humanitarian Knowledge: interdisciplinary synthesizes*, ROSSPEN, Moscow, 2016, pp. 3–462 (in Russian).

Miller, David (2012) 'Machine Guessing', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2012), pp. 110–119 (Russian Translation).

Petrenko, Viktor F. (2011) 'Constructivism as a New Paradigm in Human Sciences', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2011), pp. 75–81 (in Russian).

Prigogine, Ilya (1989) 'The Re-Discovery of Time', *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (1989), pp. 3–18 (Russian Translation).

Prigogine Ilya (1991) 'The Philosophy of Instability', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (1991), pp. 46–52 (Russian Translation).

Repina, Lorina P. (2011) *History at the Border of XX–XXI Centuries: Social Theories and Historiographical Practice*, Nauka, Moscow (in Russian).

Shchedrina, Irina O. (2017) 'The New Aspects of Narratology', *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2017), pp. 82–90 (in Russian).

Сведения об авторе

ХВОСТОВА Ксения Владимировна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Author's information

KHVOSTOVA Kseniya V. — DSc in History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.